

Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ.

Вредлагаемыя здѣсь воспоминанія были написаны мною на память, т. к. никогда, къ сожалѣнію, дневника не велъ. Разказъ мой относится къ эпохѣ семидесятыхъ годовъ когда я почти непрерывно, въ теченіе десяти лѣтъ, служилъ на Амурѣ. Сухость и отрывочность изложенія, вмѣстѣ съ обличительнымъ его характеромъ, дѣлають разказъ мой пожалуй похожимъ на простой перечень мелкихъ фактовъ, но что жъ дѣлать, иначе не сумѣлъ бы написать. Амурскій край въ то время только зарождался и потому понятно, что жизнь въ немъ могла быть переполнена шереховатостью и ненормальными случаями. Все это впрочемъ было при старыхъ порядкахъ и общей въ странѣ неурядицѣ—но съ тѣхъ поръ прошло уже почти полстолѣтія.

Теперь, разумѣется, многое измѣнилось къ лучшему и прежнее захоlustье замѣтно просвѣтлѣло. Надо однако сказать, что даже и въ то далекое время многіе изъ нашихъ амурскихъ піонеровъ приносили краю большую пользу своей честной и трудолюбивой службой; вѣдь не всѣ же пользовались тѣмъ, что до Царя было далеко, а до Бога высоко. По моимъ воспоминаніямъ читатель можетъ подумать, что тамъ творились только безобразія, при чемъ всѣми вмѣстѣ выпивалось несмѣтное количество водки; но это не такъ: на-ряду съ худымъ, было и много хорошаго, даже очень много хорошаго. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я всегда молодцовъ-матросовъ Амурской флотиліи, обыкновенно набиравшихся

изъ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ. Это сплошь были умные, развитые и трудолюбивые люди. Надо думать, что вся Сибирь заселена такимъ народомъ. Эти сибирскіе солдаты обыкновенно черезъ какія-нибудь двѣ или три недѣли послѣ поступленія на судно становились прекрасными моряками.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія во главѣ правленія Кронштадтскаго порта стоялъ человекъ высокой чести и огромной энергіи, но въ то же время горячій и нервный. Помнится мнѣ, какъ я на похоронахъ одного корабельнаго инженера, будучи назначенъ начальникомъ воинской команды для погребальной церемоніи, едва успѣлъ пропустить мимо фронта колесницу, какъ по близости проѣзжалъ по улицѣ главный командиръ и кому-то велѣлъ узнать мою фамилію; на слѣдующій день онъ призвалъ меня къ себѣ на квартиру вмѣстѣ съ моимъ экипажнымъ командиромъ и разнесъ за то, что я будто при выносѣ покойника изъ церкви не командовалъ „на краулъ“; въ сущности же такого факта не было, потому что иначе музыканты не стали бы играть „коль славенъ“. Моихъ доводовъ горячій Степанъ Степановичъ не принялъ во вниманіе и приказалъ экипажному командиру меня на лѣто въ плаваніе не назначать ввиду того, что я не знакомъ съ воинскимъ уставомъ. Меня эта несправедливость до того разстроила, что я тутъ же рѣшилъ бросить службу въ Балтикѣ и совсѣмъ разстаться съ Кронштадтомъ, который мнѣ и по многимъ другимъ причинамъ уже давно былъ ненавистенъ.

Надо сказать, что около того же времени въ министерствѣ шли назначенія офицеровъ въ Сибирскій флотъ, и я, какъ лейтенантъ, имѣлъ право просить о переводѣ меня на Амуръ. Преимущественно туда посылали желающихъ. 5 апрѣля 1869 года состоялся приказъ о зачисленіи меня въ Амурскій фл. экипажъ, находившійся въ Николаевскѣ на Амурѣ, а 15 числа того же мѣсяца я уже выѣхалъ въ путь. Моимъ попутчикомъ въ этомъ путешествіи былъ старый и угрюмый лейтенантъ К. К. Дегеръ; онъ принялъ на себя и распорядительную и казначейскую часть. Доѣхавъ на пароходѣ до Перми, мы уже продолжали путь на перекладныхъ, и только къ 10 августа я былъ на мѣстѣ, несмотря на то, что остановки въ городахъ были крайне рѣдки и кратковременны. Дегеръ былъ до крайности расчетливъ, а потому весь путь обошелся намъ чрезвычайно дешево. Онъ былъ также скупъ и на слова, общительности никогда не выказывалъ, но въ то же время былъ чрезмѣрно деликатенъ; это нерѣдко проявлялось у него тѣмъ, что всякій разъ,

когда на ухабахъ при толчкахъ онъ нечаянно задѣвалъ меня локтемъ, то непременно извинялся. Пвозка наша была имъ раздѣлена умственной линіей на двѣ совершенно равныя части, такъ что когда ему приходилось напримѣръ просушивать свои носовые платки, сполоснутые въ рѣчкѣ, то протягивалъ веревочку только на своей половинѣ кузова, строго наблюдая нерушимость демаркаціонной линіи. Мы ѣхали вмѣстѣ четыре мѣсяца и за все время другъ съ другомъ не проронили ни одного лишняго слова. Говорили только про остановки, самоваръ, ночлегъ и о ямщикахъ, а больше все спали или дремали, а когда бодрствовали, то тупо устремляли взоры въ далекое пространство, при чемъ каждый думалъ свою собственную думушку. Природа его нисколько не трогала; никакія красоты ея не могли привести его въ умиленіе. Онъ упорно молчалъ, и я боялся, какъ бы эта нелюдность не повліяла на мой впечатлительный характеръ. Дегеръ былъ родомъ финнъ, и угрюмость его была ему присуща вѣроятно съ самаго рожденія.

Прибывъ въ Николаевскъ, гдѣ въ то время главнымъ командиромъ состоялъ адмиралъ И. В. Фуругельмъ, а экипажнымъ командиромъ кап. 1 ранга Жиркевичъ, я явился по начальству и тотчасъ получилъ назначеніе вахтеннымъ офицеромъ на транспортъ „Манджуръ“ подъ команду капит.-лейт. Шефнера. Плаванія наши на этомъ суднѣ ограничивались переходами до Декастри или Дуэ; дальше этого не ходили, т. к. Шефнеръ не любилъ моря и большихъ плаваній; пользуясь своими связями въ штабѣ, онъ устраивалъ себѣ скорѣе нѣчто похожее на пикники, чѣмъ на серіозныя порученія. Болѣе суровая служба края тогда доставалась на долю другихъ судовъ амурской флотиліи; тамъ еще оставались: „Америка“, „Японецъ“, „Моржъ“, „Горностаѣ“, „Соболь“, „Сахалинъ“, „Востокъ“, „Пурга“ и „Куегда“.

Однажды, идя амурскимъ лиманомъ при совершенно попутномъ вѣтрѣ подъ парами, я вздумалъ на своей вахтѣ среди бѣла дня поставить паруса. Командиръ тогда спалъ въ своей каютѣ и никогда ни подъ какимъ видомъ не позволялъ себя будить, а я и воспользовался этимъ. Росписаній на транспортѣ для разныхъ маневровъ не существовало, и парусовъ раньше никогда не ставили, а потому я приказалъ боцману наскоро рассчитать людей по снастямъ и на марсы. Паруса были наконецъ безъ большихъ хлопотъ надраены, и я уже радовался увеличенію хода, какъ вдругъ на палубѣ показался заспанный Шефнеръ, одѣтый въ мѣховой пиджакъ и такую же шапку. Увидѣвъ паруса, онъ разразился гнѣвнымъ потокомъ ругательства и велѣлъ все убрать. „Это что за нововведеніе“? закричалъ онъ, „вы пріѣхали къ намъ изъ Петер-

бурга учить насъ! Видали мы и безъ васъ такихъ учителей, уберите все немедленно!“ Паруса этого судна были между прочимъ уже давно сгноены, вслѣдствіе того, что ихъ очень рѣдко просушивали. Вообще же, надо сказать, что порядки на „Манджуръ“ были архаическіе, и большая часть команды состояла изъ подсудныхъ. Случалось, что грузы гражданскаго вѣдомства, подлежавшіе сдачѣ въ Дуэ для обмундированія сахалинскихъ каторжниковъ, нерѣдко расхищались изъ тюковъ самой командой. Однажды, при отдачѣ парусовъ для просушки, изъ марселей посыпались на палубу: кожанья рукавицы, варяжки, осташи и даше полушубки. Вещи эти систематически выкрадывались всякій разъ при перегрузкѣ и прятались въ рубашкахъ парусовъ. Дознанія по этому дѣлу такъ и не производили.

Вообще и на другихъ судахъ амурской флотиліи того времени порядки были не лучше этихъ. Напримѣръ при встрѣчѣ двухъ кораблей флотиліи въ морѣ, командиры другъ другу салютовали орудіями, чего по уставу вовсе не полагалось; число выстрѣловъ при этомъ нерѣдко зависѣло отъ степени личной симпатіи командировъ одного къ другому. Въ такихъ случаяхъ ходъ на судахъ обыкновенно останавливали, одинъ изъ командировъ ѣхалъ къ своему пріятелю въ гости, и тамъ они уже обмѣнивались новостями и распивали по доброму стакану грога.

Суда флотиліи всегда зимовали близъ Николаевска въ протокѣ Пальво.—Это въ 30 или 40 верстахъ отъ порта. Въ началѣ октября, по окончаніи кампаніи и нашъ „Манджуръ“ попалъ туда на зимовку. На берегу стоялъ офицерскій флигель, гдѣ во время вооруженія и разоруженія офицеры флотиліи столовались. И на этотъ разъ офицеры наши перебрались во флигель, а меня командиръ на другой же день при свѣжемъ вѣтрѣ отправилъ въ Николаевскъ заготовлять командѣ казармы; для этой цѣли онъ мнѣ далъ судовую четверку съ парусомъ отъ вельбота и кромѣ 4 матросовъ назначилъ мнѣ въ помощь шкипера Клепикова (крещеный еврей), который, къ слову сказать, стоялъ у насъ на транспортѣ по распоряженію командира офицерскую вахту и даже носилъ почему-то мичманскіе погоны, хотя былъ въ чинѣ коллежскаго регистратора.

Выйдя изъ протока, я на четверкѣ скоро попалъ на отмель, гдѣ нѣкоторое время побился при сильной пургѣ. Въ портъ я прибылъ лишь поздно ночью. Погода была собачья, и какъ только мы не погибли на глубинѣ Амурскаго фарватера, это извѣстно лишь одному Богу! Мы всѣ вымокли и продрогли.

Что касается Клепикова, то надо сказать, что Шефнеръ къ нему почему-то очень благоволилъ и, когда принялъ въ командованіе

Сибирскій экипажъ, то взялъ его къ себѣ казначеемъ, а вскорѣ затѣмъ возложилъ на него очень серьезное порученіе: послалъ его въ Иркутскъ, чтобы вынуть изъ банка 60.000 рублей экономическихъ экипажныхъ денегъ. Какъ исполнилъ Клепиковъ это порученіе и кому онъ сдалъ деньги, если выручилъ ихъ, это мнѣ и другимъ осталось неизвѣстнымъ.

Первая моя зимовка въ Николаевскѣ познакомила меня съ береговой жизнью этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ города.

Привожу здѣсь стихотвореніе, которымъ кто-то воспѣлъ прелести Николаевска; стихотвореніе это—переложеніе стиховъ подъ заглавіемъ „Неаполь“, было уже давно написано, какъ кажется, какимъ-то Головиннымъ.

Н и к о л а е в с к ѣ .

Ночь тихая, сырости полная,
Сугробы и голые пни,
И сколько тропинка окольная
Проходить по этой глуши.

Направо общипанный ельникъ,
Налѣво замерзшій Амуръ,
Трещить подъ ногами валежникъ,
И берегъ во мглѣ потонулъ.

А прямо всегда такой мрачный
Природою жалкой своей,
Стоитъ Николаевскъ печальный
Средь мусора, щепокъ и пней.

Прекрасны тамъ обѣ слободки,
Возможнѣйшей дряни хаосъ,
Тамъ всюду разбросаны кочки,
И свиньи копаютъ навозъ.

Порою летаютъ вороны
Надъ прежней землею Гилякъ.
То взвоятъ на разные тоны
Голодные стаи собакъ.

Все такъ, но зачѣмъ же невольно
Мнѣ сердце сжимаетъ печаль,
И бьется оно какъ-то больно,
Какъ будто бы просится вдаль.

Туда, гдѣ Нева протекаетъ
И льетъ свои воды въ заливъ,
Гдѣ городъ Петра процвѣтаетъ,
Невзгоды въ себѣ притаивъ.

Ковшами въ немъ черпають счастье
И крѣпко его берегутъ,
А здѣсь отъ тоски и ненастья
Лишь въ карты играютъ и пьютъ.

Тамъ пурги проклятой не знаютъ
И юколы нѣту гнилой,
И ваши глаза не встрѣчаютъ
Гиляковъ съ косматою косою.

Николаевскъ, какъ портъ, былъ основанъ еще въ Крымскую кампанію, вскорѣ послѣ занятія нами Амурскаго края. Портъ былъ перенесенъ сюда изъ Петропавловска и Аяна. Николаевскъ былъ въ свою очередь и самъ закрытъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Городъ стоитъ на лѣвомъ берегу Амура и имѣетъ двѣ большія слободки: Мокриловку и Теребиловку; посрединѣ между этими слободками находились домъ главнаго командира, полиція, острогъ, присутственныя мѣста, клубъ и женское училище. Казармы были въ Мокриловкѣ. Въ Теребиловкѣ жило купечество, и также имѣлись лавки, какъ и въ центрѣ города. Почта доставлялась въ Николаевскъ рѣдко и нерегулярно, но не взирая на это, общественная жизнь въ городѣ почти всегда была ключомъ. Балы, пикники, спектакли, свадьбы и проч. никогда не переводились, также, какъ и карты, и вино.

Нижніе чины имѣли право въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ покупать для себя спиртъ, но не иначе, какъ по запискамъ отъ ротныхъ командировъ. Водки въ Николаевскѣ вовсе не было, и вмѣсто нея интеллигенція распивала разведенный спиртъ, а матросы охотно пробавлялись и одеколономъ, который они могли свободно покупать безъ особаго разрѣшенія.

Судъ въ краѣ былъ еще дореформенный, и тамъ предсѣдатель и члены величались презусомъ и ассессорами. Зимой и я попалъ въ ассессоры морского суда. Презусомъ суда былъ кап.-лейт. Вас. Ив. Рыковъ. Мы собирались обыкновенно одинъ разъ въ недѣлю, но, какъ мнѣ помнится, за всю сессію ни одного дѣла не рѣшили. Засѣданія наши заключались обыкновенно въ томъ, что аудиторъ прочитывалъ о подсудности того или другого чина, затѣмъ въ законахъ отыскивались статьи наказаній, и по этимъ статьямъ часто тянулись долгіе разговоры и споры, а послѣ уже все заканчивалось тѣмъ, что презусъ суда напоминалъ объ адмиральскомъ часѣ, и всѣ не сѣша расходились по домамъ, по пути сообщая другъ другу какіе-нибудь старыя анекдоты. Нижніе чины такимъ образомъ по долгу оставались подъ судомъ въ неизвѣстномъ состояніи. Этихъ-то

подсудимыхъ Шефнеръ и бралъ къ себѣ на транспортъ; онъ даже какъ будто кичился тѣмъ, что у него среди команды было много головорѣзовъ. Я и по-сейчасъ помню на „Манджурѣ“ такихъ, какъ Похорькова, Найденова, Непомнящаго и др., состоявшихъ подъ судомъ за убійства.

Для офицеровъ и чиновниковъ морского вѣдомства въ городѣ имѣлась казенная баня; однажды пошелъ я съ товарищемъ помыться и страшно былъ удивленъ, что горячая вода сильно отдавала рыбой и на поверхности была подернута жирнымъ налетомъ. На замѣчаніе объ этомъ матросу-банщику, онъ отвѣчалъ, что вода хорошая, чистая, но что въ ней варилась уха изъ кэты. Этотъ случай ужъ на долго отнял у меня охоту пользоваться казенной баней.

Женское училище или институтъ, какъ его тамъ называли, находился черезъ улицу противъ полиціи, и между этими зданіями довольно часто происходили экзекуціи каторжниковъ, наказываемыхъ плетью. Дѣвицамъ института это зрѣлище доставляло повидимому не мало развлеченія. Онѣ съ особеннымъ любопытствомъ карабкались на подоконники, чтобъ не пропустить никакихъ подробностей. Читатель можетъ легко себѣ представить, какъ все это дѣйствовало на души юныхъ дѣвицъ въ воспитательномъ отношеніи. Начальница пансіона г-жа Урядова съ трудомъ выхлопотала, чтобъ нижнія стекла оконъ были наконецъ закрашены масляной краской.

Я жилъ въ Мокриловкѣ и помню, какъ съ наступленіемъ первой моей тамъ зимы однажды поднялась такая пурга, что двери и окна нашего дома были сплошь занесены снѣгомъ; цѣлый день нельзя было выйти изъ дома, пока наконецъ люди извнѣ не пришли къ намъ на помощь и не отгребли снѣгъ. Морозы нерѣдко доходили до 40°.

По вечерамъ ѣздовыя собаки поднимали непріятный вой, а въ довершеніе всего, улицы были немощены и освѣщались масляными фонарями. Однако, несмотря на всѣ эти прелести, интеллигенція города и главнымъ образомъ офицеры коротали вечера по своему очень весело. Зимой ни у кого изъ послѣднихъ никакой службы не было, если не считать очередныхъ дежурствъ по порту и экипажу.

Во время одного изъ моихъ дежурствъ по экипажу, фельдфебель нестроевой роты Зиндовичъ рассказалъ мнѣ, что когда онъ раньше служилъ въ арміи, то однажды участвовалъ въ экспедиціи небольшого отряда, посланнаго гр. Муравьевымъ изъ Петровскаго зимовья въ Благовѣщенскъ по бездорожью тайгой и что вслѣдствіе нераспорядительности подлежащаго начальства, на большомъ протяженіи

пути слѣдованія, не оказалось заготовленнаго правіанта. Отрядъ голодалъ и страдалъ отъ цынги, мошкеры и ранъ на ногахъ. На одномъ переходѣ послѣ того какъ люди въ теченіе четырехъ сутокъ оставались безъ всякой пищи, они пришли наконецъ въ такое отчаяніе, что по общему соглашенію рѣшились бросить жребій, чтобъ пожертвовать однимъ изъ товарищей для утоленія голода остальныхъ.

Узнавъ объ этомъ соглашеніи, одинъ юнкеръ, бывшій въ отрядѣ, зная, что ему во всякомъ случаѣ не дойти до мѣста живымъ, вызвался самъ лишиться себя жизни и такимъ образомъ дать возможность всѣмъ прочимъ его съѣсть. Онъ застрѣлился, и его дѣйствительно съѣли. Послѣ двухъ послѣдующихъ большихъ переходовъ отрядъ пришелъ къ мѣсту, гдѣ его уже ожидали съѣстные припасы. Этому разсказу я сначала никакъ не хотѣлъ вѣрить, но позже слышалъ подтвержденіе его отъ отст. подполковника Урядова, жившаго въ томъ же Николаевскѣ. Онъ мнѣ говорилъ, что самъ участвовалъ въ походѣ того отряда и поневолѣ былъ однимъ изъ числа совершившихъ страшный актъ каннибальства, „голодъ не тетка“, сказалъ онъ въ свое оправданіе, „за то вѣдь весь отрядъ дошелъ до мѣста, а все разстояніе равнялось 2000 верстъ!“

Ранней весной 1870 года я еще по зимнему пути выѣхалъ по назначенію начальства во Владивостокъ для службы на канонерской лодкѣ „Горностай“, которая готовилась тогда для заграничнаго плаванія въ водахъ Китая и Японіи, и главнымъ образомъ, чтобъ состоять въ распоряженіи А. Е. Влангали, бывшаго тогда посломъ въ Пекинѣ. Прекрасный санный путь по Амуру и Уссури доставилъ меня благополучно черезъ озеро Ханко до поста Камень Рыболова, а затѣмъ началась распутица, и далѣе мнѣ пришлось продолжать путешествіе верхомъ на лошади. Такъ какъ я ѣхалъ по казенной подорожной, то по всему тракту отъ поста къ посту меня провожали два казака, и все это странствованіе продолжалось около двухъ недѣль, причемъ я еще везъ съ собой въ трехъ мѣшкахъ казенное серебро въ рубляхъ для передачи его начальнику Владивостокскаго поста, кап.-лейт. Этолину. Однажды, при переходѣ со вьюкомъ вбродъ черезъ рѣчку Сѣданку, лошадь моя споткнулась, и одинъ изъ мѣшковъ съ деньгами, вѣсомъ около двухъ пудовъ сорвался съ вьюка и упалъ въ воду; деньги конечно тотчасъ нашлись, хотя ихъ изъ воды доставали съ большимъ трудомъ, т. к. вода была выше брюха лошади. Дорогой мы вдали на склонахъ горъ видѣли тигровъ, которые грѣлись и рѣзвились на солнцѣ. Насъ они не трогали, хотя часто глядѣли и въ нашу сторону.

Прибывъ на мѣсто, я представилъ по назначенію деньги и явился къ командиру лодки, лейтенанту Астолопову. Вооруженіе

„Горностая“ тянулось довольно долго. Тутъ я случайно встрѣтился на берегу съ лейтенантомъ Гекомъ, который меня познакомилъ со своимъ братомъ и съ первыми поселенцами Уссурійскаго края; это все были финляндцы, прибывшіе на Амуръ на частномъ китобойномъ бригѣ „Александръ“. Самый бригъ представлялъ собой четырехугольный деревянный ящикъ съ очертаніями едва похожими на корабль. На бакѣ этого брига помѣщался большой чугунный котелъ, въ которомъ команда вываривала китовый жиръ. Командиромъ былъ вольный шкиперъ, братъ Гека; это былъ настоящій обвѣтрившійся морской волкъ съ сильнымъ голосомъ; когда вы съ нимъ говорили, то казалось, что его отвѣты шли откуда-то изъ-подъ кила, а не отъ него. Весь комплектъ команды доходилъ численностью до 60 человекъ: все были профессора въ очкахъ, студенты, рабочіе и нѣсколько женщинъ съ повивальной бабкой включительно. Колонія этихъ финляндскихъ поселенцевъ на первыхъ порахъ поселилась въ бухтѣ „Стрѣлокъ“, гдѣ она впрочемъ продержалась не долго; о дальнѣйшей ея участи я ничего не знаю.

Помню, что, выходя на „Горностаѣ“ первый разъ въ море, мы не имѣли достаточнаго запаса масла для машины и принуждены были изъ частныхъ лавокъ скупать все имѣвшееся тамъ прованское столовое масло въ бутылкахъ; за каждую такую бутылку платили по рублю. Помытарствовавъ затѣмъ по Южнымъ нашимъ гаванямъ, мы направились въ Шанхай съ заходомъ по пути въ Нагасаки, а позже на зимовку въ Ханькоу и уже оттуда окончательно въ Тянь-Тзинь на станцію. Ошвартовившись тамъ у пристани близъ дома нашего почтеннаго коммерсанта г. Старцева, мы было уже совсѣмъ расположились на отдыхъ, какъ вдругъ въ это время на берегу среди китайскаго населенія вспыхнулъ мятежъ. Въ китайской части города рѣзали и убивали на улицахъ всѣхъ встрѣчныхъ европейцевъ, а потому понятно, въ какомъ страшномъ переполохѣ были послѣдніе, тѣмъ болѣе, что кромѣ нашего „Горностая“ въ портѣ не было ни одного стаціонера. Китайцы перерѣзали въ католическомъ женскомъ монастырѣ всѣхъ монахинь, а затѣмъ сожгли и самое ихъ жилище; они убили также на улицѣ русскую молодую чету Иконниковыхъ, въ то время, когда они въ паланкинѣ дѣлали свои послѣсвадебные визиты.—Всѣ дальнѣйшіе безпорядки однако скоро окончились, и европейское населеніе успокоилось, когда нашей командой были къ тому приняты всѣ мѣры. Скоро въ Тянь-Тзинь пришли также французская и англійская лодки.

Б. К. де-Ливронъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

